

**ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СЕМЬЯ В ПОТОКЕ ПЕРЕМЕН: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ», 28–29 НОЯБРЯ 2007 г., МОСКВА****Е.Б. Головляница**, научный сотрудник НИСП

28–29 ноября 2007 г. в Москве прошла международная конференция «Семья в потоке перемен: демографические вызовы социальной политике», организованная Институтом демографии ГУ-ВШЭ (ИДЕМ) и Независимым институтом социальной политики (НИСП). В основу конференции легли исследования, проведенные российскими демографами и социологами, а также их зарубежными коллегами на основе международной программы «Поколения и гендер». Эта программа предусматривает проведение сопоставимых национальных обследований по единому вопроснику; головной организацией в реализации программы в России с 2002 г. является НИСП. Первая волна российского обследования, получившего название «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), проведена в 2004 г., вторая — в 2007 г. В странах, представители которых приняли участие в конференции, была проведена первая волна обследования: во Франции в 2005 г., в Грузии и в Литве в 2006 г.

28 НОЯБРЯ

Конференцию открыли научный руководитель ГУ-ВШЭ Е. Г. Ясин, директор ИДЕМ ГУ-ВШЭ А. Г. Вишневский и директор НИСП Т. М. Малева. Они отметили то значение, которое имеет демографическое развитие для социально-экономических перспектив России, а также роль демографических исследований для формирования эффективной демографической и социальной политики. Т. М. Малева представила сборник научных статей «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», в котором обобщены аналитические результаты первой волны обследования.

Выступление начальника экспертного управления Президента РФ А. В. Дворковича было посвящено приоритетам социально-экономического развития России в кратко- и среднесрочной перспективе. Социальное и демографическое развитие должны и будут занимать центральное место в политике российского государства. Особое внимание А. В. Дворкович уделил российскому рынку труда. Снижение численности населения, по его мнению, не должно рассматриваться как фатальный фактор для сферы занятости. Вопрос в значительной мере зависит от роста производительности. Именно здесь кроется ответ на вопрос о перспективах роста российской экономики.

Особенность конференции составила практическая, прикладная ориентированность представленных исследований: демографические процессы, такие как рождаемость и смертность, рассматривались в тесной связи с вызываемыми ими стрессами на рынке труда и в системе пенсионного обеспечения.

Без демографической статистики политика обречена на провал. Этот тезис прозвучал в выступлении заместителя руководителя Росстата А. Е. Суринова. С принятием федеральных законов в 1997 г. сокращено количество показателей, вносимых в записи ЗАГС, что вызывает существенный недостаток информации. Например, в настоящее время не фиксируются очередность рождения ребенка (1-й, 2-й и т. д.) и уровень образования родителей. Помимо ОБДХ и ОНПЗ (соответственно 49,2 и 67 тыс. респондентов), Росстат реализует ряд тематических выборочных обследований. Но, к сожалению, финансовых ресурсов для панельных обследований у статистиков нет и в ближайшее время не предвидится. Для научного сообщества это означает, что обследования РМЭЗ и РидМиЖ (российское обследование в рамках программы «Поколения и гендер») в обозримом будущем останутся уникальными источниками эмпирической информации.

А. Викат, руководитель Отдела населения Европейской экономической комиссии ООН (PAU UNECE), координирующей проект «Поколения и гендер», в своем выступлении рассказал о ходе реализации данной программы. К настоящему моменту 15 стран провели по одной волне обследования, а в России прошли уже две волны. Эта программа во многом уникальна — помимо масштаба исследований, ее отличает мультидисциплинарность, панельный характер данных и инновационные методы их анализа, а также широкие возможности для проведения сравнительных международных исследований.

Открывший научную часть выступлений акад. А. Г. Аганбегян (АНХ) отметил печальный факт: специфической для России проблемой является крайне высокая смертность в трудоспособном возрасте: «сверхсмертность» составляет до трети умерших, что втрое больше, чем в развитых, и вдвое больше, чем в развивающихся странах. С потребностями рынка труда связан и такой приоритет реформы здравоохранения, как сокращение смертности от устранимых причин, прежде всего от травматизма: по этому показателю Россия в 4–6 раз обгоняет другие развитые страны. Сокращение травматизма позволит снизить инвалидность, повысив «возврат в строй» временно утративших трудоспособность. Факторы, влияющие на вероятность смерти, также назвала И. А. Денисова (ЦЭФИР), основываясь на данных РМЭЗ за 1994–2004 гг.: это самооценка степени депривированности, курение, высокий уровень потребления алкоголя (негативное влияние), высокий уровень образования и дохода (позитивное влияние).

Рождаемость

Т. М. Малева (НИСП) представила исследование, которое было посвящено потенциалу роста рождаемости в России, проанализированному совместно с О. В. Синявской (НИСП) на основе данных двух волн РидМиЖ. Принципиально важный вывод, который делают эксперты, состоит в том, что потенциал для повышения рождаемости в современной России есть: рождаемость в ближайшие три года может возрасти с 1,2 до 1,5 ребенка на одну женщину. Между тем исследование показывает и другое: в политике нельзя уповать лишь на материальные меры стимулирования роста рождаемости. Среди факторов, реально влияющих на процессы в этой сфере, не менее важную роль играют социальные факторы, иногда никак не связанные с ростом экономического благополучия населения. Это начавшаяся трансформация семейных отношений, уровень образования, установки и ценности, религиозные традиции и пр.

С. В. Захаров (ИДЕМ) в своем выступлении говорил о совершенно новой для нашей страны тенденции к откладыванию рождения первого ребенка. Вероятность того, что женщина родит первого ребенка, по-прежнему велика, однако оформление партнерского союза, в том числе и регистрация брака, во все меньшей степени означает готовность завести первого ребенка (если исключить ситуации, когда зачатие предшествовало оформлению союза). Промежуток между вступлением в партнерский союз и рождением ребенка особенно длителен у женщин с высоким уровнем образования (для когорт 1970–1979 г. р.). Как заметил С. В. Захаров, демографическая политика совершенно не учитывает этого обстоятельства, ведь основное внимание уделяется поощрению рождения второго и последующих детей.

Доля тех, кто заявляет о стремлении завести ребенка во Франции выше, чем в России. Таков один из результатов сравнительного исследования детерминант рождаемости и репродуктивных намерений на основе данных GGS по России и Франции, проведенного С. В. Сурковым (НИСП) и Л. Шартон (Faculté des Sciences sociales, Université Marc Bloch, Strasbourg). Общими для обеих стран оказались лишь сугубо демографические детерминанты, такие как возраст женщины и брачно-партнерское состояние, что закономерно, учитывая различия социально-экономического контекста.

А. Л. Лукьянова (ЦЭТИ, ГУ-ВШЭ) рассказала о результатах эконометрического исследования роли уровня дохода в принятии решения о рождении ребенка (по данным RLMS за 1994–2003 гг.). Как оказалось, слабое положительное влияние на вероятность родить ребенка оказывают занятость женщины и уровень доходов прочих членов домохозяйства; уровень доходов самой женщины, напротив, оказался устойчиво незначимым. Почти незначимы и характеристики супруга, но пока неясно, с чем это связано — с тем, что характеристики мужа уже косвенно учтены в характеристиках домохозяйства или же с тем, что решение о рождении ребенка принимается женщиной преимущественно индивидуально.

Партнерства, браки и разводы

По данным В. Станкуниене (Институт социальных исследований, Литва), литовская ситуация достаточно типична: нерегистрируемых браков становится больше и они «омолаживаются», тогда как возраст вступления в брак растет. Общей для Литвы и России является выраженная нехватка мест в детских садах, вызванная деградацией созданных в советский период систем дошкольных учреждений.

Г. Миладзе (Центр по исследованию населения Грузии) представил результаты исследования партнерства и брачности в современной Грузии (данные GGS-Грузия, 2006 г.). Наряду с ростом распространенности нерегистрируемых партнерских отношений, особенно среди молодежи, разводимость в Грузии остается очень низкой. Однако связано это, по мнению исследователей, с нежеланием разочаровавшихся в браке тратить на дорогую процедуру развода (ее стоимость в 2000-х гг. составляла более половины средней зарплаты).

Я. М. Рощина (ГУ-ВШЭ) представила результаты моделирования факторов заключения и расторжения брака в России. Если говорить о мужчинах, то по сравнению с работающими, ниже шансы у безработных и экономически неактивных; ситуация у женщин обратная — домохозяйки имеют лучшие шансы вступить в брак. Многие эффекты оказались неожиданными и пока не встроены в теоретическую модель: курение повышает шансы мужчины же-

ниться, а степень удовлетворенности жизнью — наоборот, обратно связана с вероятностью женитьбы; рост и телосложение, которым в обыденном дискурсе приписывается большее значение для женщин, оказались значимы только для мужчин и т. д. Выявленные факторы расторжения брака указывают на неустойчивость союзов партнеров с неоднородными характеристиками — от уровня образования и этнической принадлежности до самооценки здоровья и потребления алкоголя.

Родители и дети

Вслед за тем как П. Себиль (INED), А. Блюм (Центр исследований России, стран Кавказа и Центральной Европы/CERCEC-EHESS/Высшая школа социальных наук; INED, руководитель проекта INTAS) и А. Ренье-Лойлье (INED) коротко обрисовали демографическую ситуацию в странах — участниках GGS — России, Франции, Литве и Грузии (сравнение по данным GGS и макростатистики), П. Себиль рассказал о первых этапах жизненной биографии послевоенных поколений во Франции и России — окончании учебы, получении работы, рождении ребенка (исследование проведено совместно с А. Блюмом и С. В. Захаровым). Если для Франции характерно сближение жизненных траекторий мужчин и женщин, то в России они все больше расходятся, причем биографии мужчин приближаются к «французскому» типу (рождение ребенка откладывается как минимум до получения работы), а биографии женщин — к нормативной модели, предписывающей не запаздывать с рождением первенца, т. е. заводить ребенка как можно скорее после окончания обучения.

К сожалению, российские мужчины не только откладывают обзаведение детьми, но и не склонны брать на себя заботу о ребенке после распада брачного союза. Как показало исследование Д. Бретона (Département de démographie, Université Marc Bloch, Strasbourg), Ф. Приу (INED) и Д. О. Поповой (НИСП), во Франции намного меньше неполных семей с детьми до 18 лет, чем в России. Вероятность того, что ребенок будет воспитываться только матерью, в России гораздо выше, чем во Франции.

Эту нерадостную картину дополнил доклад И. И. Корчагиной (ИСЭПН) по материалам совместного исследования с А. Ренье-Лойлье, Л. М. Прокофьевой (ИСЭПН) и М. Валетас (INED): российские отцы еще и намного реже видятся с ребенком после развода, чем во Франции; также в России больше доля отцов, которые после развода вообще прекратили встречаться с детьми.

Наконец, помимо воспитания детей, на плечи российских женщин ложатся обязанности по уходу за пожилыми членами семьи. Как отметила Л. М. Прокофьева, говоря о результатах совместного проекта с И. И. Корчагиной (ИСЭПН) и С. Лефевр (INED), в этом отношении Россия разительно отличается от Франции. Например, с тезисом *«когда родители нуждаются в помощи, дочери должны брать на себя большую ответственность за это, чем сыновья»*, не согласны две трети французов, опрошенных в рамках GGS-2006, а в России — менее 5% респондентов.

Благосостояние

Два выступления были посвящены вопросам благосостояния российских семей. О. В. Синявская (НИСП), говоря о жизненных стратегиях пенсионеров, отметила, что уровень занятости пенсионеров продолжает расти, что позволяет им не только избегать бедности, но и оказывать материальную

поддержку своим детям и внукам (расчеты проведены на основе баз GGS, НОБУС и RLMS). Запрет на занятость пенсионеров приведет одновременно к падению уровня занятости и повышению бедности пожилого населения. Именно поэтому неприемлем ввод ограничений на занятость пенсионеров, подобных существовавшим до 2002 г. Более адекватной стратегией государственной политики является постепенное повышение пенсионного возраста.

Итоги исследования рисков бедности у российских семей с детьми представила Л. Н. Овчарова (НИСП), акцентировав два момента. Во-первых, важнейшим недостатком существующей системы является резкое сокращение объема денежной помощи в момент, когда ребенку исполняется полтора года. Скачок действительно впечатляет: например, пособие на второго ребенка до 1,5 лет составило в 2007 г. 3000 р., а пособие на достигшего 1,5 лет ребенка — всего 137 р. Столь резкое сокращение располагаемых ресурсов может весьма негативно сказаться на малообеспеченных семьях с детьми — более высокие потребительские стандарты уже сформированы, а средств на их достижение нет. Во-вторых, весьма непроработанным остается механизм реализации права на материнский капитал. Среди возможных направлений его использования наибольший интерес у населения вызывает возможность расширения жилплощади, однако при нынешних ценах на жилье заметно расширить квартиру или дом не удастся. Более предпочтительной была бы возможность направить материнский капитал на благоустройство имеющегося жилья, но этого варианта закон пока не предусматривает.

29 НОЯБРЯ

Среди прозвучавших в этот день докладов можно выделить три основных направления — сравнительные, прежде всего российско-французские исследования; методологически ориентированные работы; работы на основе данных РидМиЖ, а также RLMS и переписи, углубляющие наше представление о социально-демографических процессах в России.

Сравнительные исследования

Одним из центральных в программе «Поколения и гендер» является понятие партнерского союза и, в отличие от большинства социологических обследований, GGS предоставляет достаточно подробные сведения о партнере респондента, его образовании и занятости. Целью исследования, проведенного О. В. Синявской (НИСП) и А. Пайе (INED), стало сопоставление позиций семейных партнеров на рынке труда и в профессиональной структуре в России и во Франции. Как оказалось, в целом распределения статусов занятости партнерских пар в обеих странах очень похожи: около 60% составляют пары, где мужчина и женщина работают, и около 25% — пары, где занят только мужчина. Однако Францию резко отличает широкое распространение частичной занятости среди женщин, весьма редкой в России. На российском рынке труда ярче выражена гендерная сегрегация — как в разделении занятий на мужские и женские, так и по величине оплаты труда. При этом, хотя гендерные установки россиян гораздо традиционнее, чем у французов, положение партнеров на российском рынке труда зависит только от их объективных возможностей и ресурсов и не связано с ценностными ориентациями; во Франции же значимы обе характеристики.

А. Ренье-Лойлье (INED) и И. Бадурашвили (Центр по исследованию населения Грузии) сравнили, основываясь на данных GGS, отношения между родителями и детьми в Грузии и Франции. Как и следовало ожидать, в Грузии большинство населения разделяет традиционные ценности — дети, и особенно женщины, обязаны заботиться о своих родителях и помогать им; бедно живущим молодым семьям достаточно поддержки родственников и не нужна помощь государства. Интересно, что представления о том, общество или семья должны заботиться о пожилых, весьма схожи (до половины опрошенных в обеих странах считают это обязанностью общества). Для грузинского общества характерны также большая частота встреч с родителями и большая удовлетворенность отношениями с ними.

Темой исследования И. А. Троицкой и А. А. Авдеева (Центр изучения проблем народонаселения МГУ) стало сравнительное изучение контрацептивного поведения в России и Франции на основе данных GGS. Полученные результаты свидетельствуют о сохраняющемся преобладании традиционных и малоэффективных методов контрацепции в России. Определенное отставание нашей страны в этом отношении удручает — например, доля такого высокоэффективного средства, как гормональные таблетки, во Франции превышает 57%, в России не достигает и 15%. Также, в отличие от Франции, применение гормональных контрацептивов в России привязано к крупным городам и мало распространено в сельской местности, что, по мнению исследователей, связано не только с высокой стоимостью и частым отсутствием в продаже, но и с необходимостью в большей степени, чем при использовании других методов, уделять внимание подбору и правильному приему препаратов.

Отдельно о российской и литовской ситуациях с использованием методов контрацепции говорили в своих выступлениях В. И. Сакевич (ИДЕМ) и В. Третьякова (Институт социальных исследований, Литва// Institute for Social Research, Lithuania). В. И. Сакевич особое внимание уделила тому, как использование того или иного способа контрацепции в России дифференцировано по основным социально-демографическим группам (использовались данные РидМиЖ за 2004 и 2007 гг.). Наибольшими приверженцами традиционных методов оказались партнеры, не состоящие в браке и проживающие совместно; современные методы наиболее популярны у живущих вместе партнеров, как супругов, так и не состоящих в браке. Существенным фактором, влияющим на выбор метода контрацепции, является возраст женщины (наиболее дифференцирующие возрастные границы — до 25 лет и старше 30 лет), также прослеживается определенная связь с уровнем образования и типом населенного пункта, где проживает женщина. Положение дел в Литве похоже на российскую ситуацию — как отметила В. Третьякова, здесь также преобладают традиционные формы контрацепции. Однако в Литве более выраженными оказались межпоколенческие различия в наборе используемых методов контрацепции.

Методологические исследования

Доклад Л. М. Прокофьевой (ИСЭПН) был посвящен важному методологическому аспекту социально-демографических исследований — изучению структуры домохозяйств. Используя данные GGS по России, Франции, Грузии и Литве, Л. М. Прокофьева наглядно показала существование значительных различий структуры домохозяйств в этих странах. Россию и Грузию роднит и резко отличает от Франции распространенность сложных многопоколен-

ных домохозяйств; и напротив, доля одиночных домохозяйств максимальна во Франции, несколько ниже в России и Литве и минимальна в Грузии. В целом же доля сложных домохозяйств составляет лишь 5% во Франции и 50% в Грузии (13% в Литве, 28% в России). Высокая распространенность сложных семей в России вызвана кризисными условиями 1990-х гг., прежде всего низкими доходами и недоступностью жилья, препятствующими отделению молодых семей, и в меньшей степени связана с традиционными ценностями.

В выступлении Е. Б. Головлициной (НИСП) были продемонстрированы возможности расширить набор предикторов репродуктивных намерений за счет ряда психологических факторов. На российских данных (РидмиЖ-2004) этот подход реализован впервые. Достоинство социально-психологических параметров в том, что они позволяют сократить разрыв между тем, как ситуацию женщины оценивает исследователь, который опирается на объективные характеристики, и тем, какой сама женщина видит свою ситуацию. Так, желание женщины завести первого ребенка (намерение вообще иметь детей) не дифференцировано по социальным группам и зависит только от ценностных ориентаций женщины и ее окружения. Готовность завести первенца (т. е. родить в ближайшие 3 года) связана исключительно с наличием у женщины позитивной установки на рождение ребенка и тем, как к этому отнесутся ее родители и родственники. Желание завести второго и более ребенка зависит от установки и положения женщины на рынке труда. И только готовность родить второго и более ребенка в ближайшие 3 года непосредственно связана, помимо субъективных оценок, с уровнем материальной обеспеченности женщины и ее домохозяйства.

А. И. Пишняк (НИСП) рассказала о разработанном совместно с Л. Н. Овчаровой (НИСП) и Д. О. Поповой (НИСП) уникальным на сегодняшний день инструментарии измерения материальной обеспеченности домохозяйства. Новый индекс благосостояния сконструирован на основе пяти непересекающихся по набору показателей доменов — это доходная и имущественная обеспеченность, уровень базовых потребительских возможностей, жилищная обеспеченность и субъективная оценка благосостояния. Первые три из этих доменов вошли в базовый сводный индекс, рекомендованный для использования при работе с данными РидмиЖ; его особенностью является высокая согласованность, гарантирующая, что измеряемое индексом благосостояние является единым объектом, а не набором разнородных характеристик. Кроме того, предложенный индекс весьма гибок — в зависимости от исследовательских задач в него могут быть включены домены жилищной обеспеченности и самооценка благосостояния; также частные индексы доменов могут использоваться самостоятельно.

М. Косио (Université Paris X — Nanterre) сообщила о возможностях, которые программа обследования GGS открывает перед исследователями, работающими с гендерной проблематикой. Возможности эти весьма широки: имеется информация об истории партнерских отношений, репродуктивном поведении, распределении домашних обязанностей, принятии решений в семье, участии женщин на рынке труда, сведения о ценностных ориентациях, в том числе и гендерных. Расчеты, проведенные на данных французского обследования GGS, свидетельствуют о том, что эгалитарность либо неэгалитарность гендерных отношений в семье выступает немаловажным фактором репродуктивного поведения.

Демографические процессы и выводы для демографической политики

Прогноз структуры и размера домохозяйств в России на основе переписных данных представил С. Шербов (Vienna Institute of Demography, IASA, Austria). Средний размер частных домохозяйств и распределение домохозяйств по размеру — важные макрохарактеристики населения страны, необходимые для прогнозирования долгосрочных эффектов социальной политики.

Обзор соотношения гендерных ролей партнеров, вклада каждого из них в доход домохозяйства в свете проводимой в настоящий момент демографической политики представила М. Е. Баскакова (Институт управления социальными процессами ГУ-ВШЭ). Решающий вклад в бюджет домохозяйств с детьми в среднем по-прежнему вносят отцы (они обеспечивают более 77% дохода семей), при этом мужчины чаще женщин оказываются заняты на опасных для здоровья производствах и в большей степени подвержены рискам смертности, связанным с производственным травматизмом; бесплодие супружеских пар в 45% случаев определяется бесплодием мужчины. Так что сформулированный еще в советский период призыв демографа Б. Урланиса «беречь мужчин» актуален и поныне...

М. Гедвилайте (Institute for Social Research, Lithuania), выступление которой было посвящено вопросам межпоколенной солидарности и проблемам социального обслуживания в Литве, обратила внимание слушателей на то, что воспитание дошкольников становится преимущественно семейным делом. Это связано с тем, что, с одной стороны, не развита сеть детских дошкольных учреждений, а с другой — нанять для ребенка няню тоже достаточно непросто. Нагрузку по уходу за детьми берут на себя преимущественно женщины старшего возраста («бабушки»), что весьма похоже на российскую ситуацию.

С. Ю. Рощин (ГУ-ВШЭ) рассказал о проведенном на основе данных RLMS за 1994–2005 гг. исследовании связи рождаемости и предложения труда женщин. Как показало моделирование факторов, определяющих более ранний выход на работу после рождения ребенка, наличие работы до родов, величина заработной платы и образование женщины ускоряют возврат на рынок труда; напротив, не оказывают влияния доходы супруга и других членов семьи, проживание с родителями, а также наличие других детей.

Конференция продемонстрировала, что современная социологическая и демографическая наука в России обладают огромным потенциалом, который становится еще более значительным, если исследования встроены в международный контекст и реализуются во взаимодействии с экспертами зарубежных стран, которые сталкиваются с похожими проблемами в социально-демографическом развитии.